

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОМ КОДЕКСЕ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Л.Ю. Василенко

Кафедра иностранных языков
Юридический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена выявлению специфических характеристик судебного перевода, рассматриваемого как инструмент обеспечения прав человека в уголовном процессе. В статье также приводится подробное рассмотрение основных положений профессионально-этического кодекса судебного переводчика и делается вывод о возможности перенесения данной практики в РФ.

Ключевые слова: судебный перевод, характеристики судебного перевода, юридический язык, обеспечение прав человека в уголовном процессе, профессионально-этический кодекс переводчика.

В современном переводоведении в настоящее время активно исследуются вопросы, связанные с обеспечением судебного процесса переводом, а также с исследованием специфических характеристик судебного перевода.

Однако на сегодняшний день не существует общепринятого определения ни судебного перевода, ни судебного переводчика.

Так, ресурсы The Free Dictionary и www.vseslova.ru (Коллекция он-лайн словарей) определяют переводчика как «участника судебного процесса, свободно владеющий языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, на котором один из участников процесса дает показания. Участие судебного переводчика обязательно, когда кто-либо из участвующих в деле лиц не владеет языком судопроизводства» [11; 12]. Данное определение подчеркивает статус переводчика как участника процесса, а не просто как стороннее лицо, оказывающее свои услуги на возмездной основе.

Юридический ресурс Find Law Legal Dictionary определяет судебного переводчика как «сотрудника (*employee*) суда, осуществляющего перевод в устной форме всего, что говорится в зале суда для стороны, не владеющей языком судопроизводства» [10]. В соответствии с этим определением (в отличие от предыдущего) переводчик рассматривается как наемный сотрудник суда, при этом при-

сутствует четкое указание на форму осуществляемого им перевода, что задает конкретное поле его профессиональной деятельности.

Большой юридический словарь дает определение судебного переводчика через призму процесса, к которому он/она привлекается: «Лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода при производстве по уголовному делу, привлекаемое в уголовном судопроизводстве в случаях, если по уголовному делу проходит участник(и) уголовного процесса, не владеющий или недостаточно владеющий языком, на котором ведется уголовное судопроизводство» [9].

Во всех приведенных определениях, характеризующихся некоторой разноаспектностью, отсутствует указание на уровень профессиональной квалификации переводчика (наличие диплома); есть лишь ссылка на «свободный» уровень владения языком. Указание на уровень профессиональной подготовки судебного переводчика отсутствует и в ст. 59 УПК РФ.

В настоящей статье вслед за Х. Миккельсон мы будем рассматривать судебный перевод как «специализированный вид перевода, специфика которого заключается в институциональном контексте, в котором осуществляется данный перевод, и в его целевой ориентированности на обеспечение равного доступа к правосудию для людей, не владеющих языком судопроизводства» [7].

Общеизвестным является тот факт, что судебные системы во всех странах, юридический язык, на котором ведется слушание, очень сложны для понимания обычных граждан, не говоря уже об иностранцах, оказавшихся вовлеченными в судебный процесс и не владеющих государственным языком.

Однако целью судебного перевода является обеспечение прав человека на то, чтобы знать, в чем его/ее обвиняют, и на справедливый суд, посредством преодоления языкового барьера. Российское законодательство рассматривает переводчика как одного из иных участников уголовного процесса (УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ), предоставляемого с целью соблюдения и реализации прав участников процесса. Судебный перевод не ставит своей целью обеспечить конкретное понимание и разъяснение клиенту самой процедуры судопроизводства, т.е. клиент должен понимать ровно столько, сколько он бы понимал, если бы слушание велось на его/ее родном языке.

Однако вопрос о том, должен ли судебный переводчик, и если должен, то насколько, брать на себя функции культурной медиации, остается открытым.

Одни исследователи считают, что переводчик должен концентрироваться только на лингвистических компонентах, т.е. переводить то, что непосредственно произносится в зале суда, без предоставления каких-либо пояснений, уточнений и т.д. Другие полагают, что культурные различия бывают иногда столь значительны, что исключительно дословный перевод без учета экстралингвистических компонентов может вести к потере значимой информации, т.е. перевод должен осуществляться на уровне смысла, а не значения.

Несмотря на то что под влиянием глобализации существует тенденция к полному обеспечению прав человека, что значительно сближает уголовно-процес-

суальное законодательство различных стран, тем не менее судебный перевод имеет свою специфику в разных странах.

Так, например, нет единого мнения о том, что и как должен переводить судебный переводчик. Как отмечает Х. Миккельсон, в США судебный переводчик должен переводить в синхронном режиме все, что произносится в зале суда, в то время как в Японии осуществляется только перевод краткого содержания доказательства в последовательном режиме [7].

Еще одной особенностью судебного перевода является крайне неустойчивая и разнообразная структура востребованных в уголовном процессе языков, зависящая от таких факторов, как экономический рост, уровень миграции в регионе и др. Так, А.В. Винников приводит данные о том, что районный суд Южного района Нью-Йорка в период с 2001—2011 гг. обращался в Бюро переводов за 65 языками и диалектами, некоторые из которых являются достаточно редкими (например, урду, пенджаби, сомалийский, гуджаратский, сонгхэ, сонинке, идиш, патуа, ашанти, темне и др.) [1].

В России спецификой структуры востребованных языков является тот факт, что большая их часть не является иностранными, что создает дополнительные сложности в поиске квалифицированных переводчиков. Так, например, для таких языков народов России, как цыганский, сванский, ингушский, езидский, чувашский, гагаузский, черкесский, талышский, памирский, даргинский и др., крайне сложно найти квалифицированного переводчика, т.к. российская система образования не готовит переводчиков с этих языков. При этом следует отметить, что некоторые из таких распространенных на очень ограниченной территории языков даже не имеют собственной письменности.

В большинстве стран эта проблема решается за счет привлечения двуязычных лиц в качестве переводчиков. Однако иногда представители того или иного этноса проживают на территории страны настолько компактной группой, что люди, принадлежащие к данной лингвокультурной общности, знают друг друга и очень неохотно соглашаются сотрудничать с правоохранительными органами и правосудием.

Западные исследователи отмечают, что присутствие переводчика во время слушания дела и его участие в нем неоднозначно оценивается самими профессионалами-юристами. Многие считают, что присутствие переводчика несколько деформирует привычный баланс сил во время процесса: судья и государственный обвинитель как единственные представители власти оказываются в некоторой зависимости от переводчика. Р. Моррис аргументирует это тем, что, как и любое другое профессиональное сообщество, профессиональное сообщество юристов является достаточно замкнутым, их профессиональная деятельность связана с отправлением властных полномочий и они не торопятся впускать в свой круг представителей смежных профессий [8]. Функция переводчика осуществлять дословный перевод, интерпретировать какое-либо высказывание — исключительное право судьи.

Деятельность судебного переводчика регламентируется профессионально-этическим кодексом, служащим своего рода практическим руководством. Любая

профессиональная организация переводчиков, например NAJIT (National Association of Judiciary Interpreters & Translators), принимает такой кодекс, и ее члены несут ответственность за его исполнение.

В самом общем виде этический кодекс судебного переводчика включает в себя следующие элементы: точность перевода, конфиденциальность, беспристрастность, профессионализм и соблюдение профессиональной роли.

Точность и полнота перевода едва ли нуждается в комментариях, однако заметим, что в процессе перевода судебный переводчик не вправе упрощать сложный юридический язык с целью сделать его более доступным для понимания лицами, вовлеченными в судебный процесс, не являющимися профессионалами-юристами. Перевод должен осуществляться от первого лица, пристраивание фраз с использованием косвенной речи не допускается, т. к. может вести к искажению первоначального смысла. В случае если какие-либо экстралингвистические элементы, такие как жесты, выражение лица, поза и т.д. создают дополнительный, культурно обусловленный смысл, переводчик обязан довести до сведения суда и учитывать эти элементы в переводе. Если подсудимый или свидетель использует нецензурные выражения, то переводчик полностью их передает без изменений или использования нейтральных фраз. Положение кодекса о точности перевода также обязывает переводчика уведомлять суд в случае возникновения каких-либо препятствий для исполнения своих профессиональных обязанностей: быстрый темп речи, непонятный акцент, усталость и т.д.

Конфиденциальность. Переводчик обязан хранить в тайне любую информацию, ставшую ему известной, как о самом уголовном процессе, так и о личности обвиняемого, а также воздерживаться от использования данной информации в своих целях. В соответствии с данным положением переводчик не вправе давать какие-либо комментарии или свою оценку процессу представителям прессы, которые могут задать подобные вопросы переводчику в случае громких дел. Переводчик также обязан воздерживаться от передачи информации об одной из сторон процесса другой стороне.

Однако существуют некоторые исключения из принципа конфиденциальности. Так, тайна общения между адвокатом и его клиентом не подлежит разглашению, даже если это общение проходит при содействии переводчика. Тем не менее, если переводчику в ходе выполнения его профессиональных обязанностей становится известно о каких-либо противоправных намерениях, то он обязан уведомить об этом надлежащих лиц в нарушение тайны общения «адвокат-клиент».

Другим исключением из данного принципа является ситуация, при которой один переводчик в силу каких-либо причин прекращает свою деятельность по данному процессу и передает информацию своему коллеге.

Беспристрастность. Профессиональной обязанностью переводчика является обеспечение качественного перевода, его поведение должно быть нейтральным, без выражения предпочтения кокой-либо из сторон или своего собственного отношения к процессу или его участникам.

На практике, однако, переводчик может оказаться в ситуации достаточно сильного морального напряжения или даже давления. Часто подсудимые, не вла-

деющие языком, на котором ведется судопроизводство, склонны рассматривать переводчика как своего единственного защитника и обращаться к нему за сочувствием, симпатией или разъяснениями, что может привести к отводу переводчика. Во избежание подобной ситуации переводчику рекомендуется воздерживаться от каких-либо частных разговоров с подсудимым. Некоторые западные исследователи предлагают практику поочередной смены сторон, для которой осуществляется перевод. При таком подходе у переводчика не возникает психологической «верности» одной из сторон.

Профессионализм. В своей работе судебный переводчик обязан придерживаться общих правил уважительного поведения в суде, а также знать и придерживаться границ своей профессиональной роли. Это означает, что переводчик не должен привлекать к себе излишнего внимания, говорить слишком громко, перебивать говорящих, пренебрегать вежливыми формами обращения, принятыми в суде («Ваша честь» и т.д.), а также принимать на себя роль других участников процесса, например адвоката или обвинителя, нарушая тем самым установленный баланс сил в суде. Переводчик также обязан постоянно совершенствовать свои профессиональные навыки посредством участия в различных тренингах, конференциях и т.д. В профессиональные обязанности переводчика также входит подготовка к работе надлежащим образом, при невозможности качественного выполнения работы — заранее уведомить суд.

В международной практике профессионально-этические кодексы переводчика появляются в рамках профессиональных организаций и являются отражением взаимодействия между конкретным социальным институтом и членами данной организации, т.е. устанавливаются «сверху» с целью обеспечения подчинения определенным требованиям института, а не улучшения поведения переводчика с точки зрения моральных принципов [2; 3].

В Российской Федерации на данный момент подобных кодексов нет, однако их разработка внесла бы существенный вклад в регламентирование работы судебного переводчика посредством создания четких практических и деонтологических рекомендаций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Винников А.В. Практические аспекты участия переводчика в уголовном процессе // Уголовный процесс. — 2012. — № 1. — С. 60—66.
- [2] Baker M. In other words: A coursebook on translation. — London: Routledge, 2011.
- [3] Catayd-Freixas E. Court Interpreter Ethics and the Role of Professional Organizations. Interpreting in a Changing Landscape. proceedings of the 6th International Critical Link Conference. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011.
- [4] Carr S., Roberts R., Dufuor A., Steyn D. The critical link: Interpreters in the community. Papers from the First International Conference on interpreting in Legal, Health and Social Service Settings. Geneva Park, Canada, June 1—4. Amsterdam. — Philadelphia: Benjamins, 1995.
- [5] Cheney G. et al. Just a job? Communication, ethics & professional life. — Oxford: Oxford University Press, 2010.
- [6] Hertog E. Aequitas, Access to Justice across Language and Culture in the EU. — Antwerp: Lessius Hogeschool, 2001.

- [7] *Mikkelson H.* Introduction to Court Interpreting. — Manchester, UK and Northampton, MA: St. Jerome Publishing, 2000.
- [8] *Morris R.* The moral dilemmas of Court Interpreting // The translator. — 1995. — Vol. 1. — № 1. — P. 25—46. St. Jerome Publishing, Manchester.

TO THE PROBLEM OF COURT INTERPRETER'S CODE OF ETHICS

L.Yu. Vasilenko

Department of foreign languages
Law faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Makhlaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article focuses on identification of specific features of court interpreting regarded as a tool of human rights provision in criminal proceedings. The article also deals with detailed analysis of Court Interpreter's Code of Ethics and possibility of its application in Russia.

Key words: Court Interpreting, specific features of court interpreting, legal language, provision of human rights in criminal proceedings, Court Interpreter's Code of Ethics.

LITERATURE

- [1] *Vinnikov A.V.* Prakticheskie aspekty uchastia perevodchika v ugolovnom protsesse // Ugolovniy protses. — 2012. — № 1. — С. 60—66.